

ЦЕЛЫЕ ЧАСТИ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ АРХИВОВ СЕРГЕЯ И ЕЛИЗАВЕТЫ ШИРОКОГОРОВЫХ

Дмитрий Владимирович Арзютов

Королевский технологический институт
74D Текникринген, Стокгольм, Швеция
darzyutov@gmail.com

Дэвид Джордж Андерсон

Абердинский университет
G5 Эдвард Райт Билдинг, Абердин, Шотландия
david.anderson@abdn.ac.uk

Аннотация: Что такое архив антрополога? Какова его география? Насколько антропология архива важна для понимания истории антропологической мысли сегодня? Мы хотим ответить на эти вопросы, проследив жизненные траектории (*life histories*) архива одного из наиболее загадочных и влиятельных антропологов в истории российской / советской этнографии Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939). Он стоял у истоков теории этноса, ставшей инструментом национальной политики в СССР, Китае, Германии, отчасти Японии и ЮАР. Транснациональные жизненные траектории Широкогорова и его жены Елизаветы Николаевны (1884–1943), а также их идей открывают пространство для интерпретации их архива не как единого целого, а как множества забытых, спрятанных, уничтоженных или, наоборот, бережно сохраненных фрагментов, не имеющих одной локализации и одного прочтения, но все-таки «частично соединенных» (*partial connected*). Фрагменты этого архива никогда не были инертны и оказывались связанными с локальными политическими и социальными онтологиями. Изложение носит отчасти автоэтнографический характер. Помимо отдельных эпизодов из жизни Широкогуровых, авторы рассказывают о своих поисках рукописей, в процессе которых они выходили на чужие маршруты и находки, что расширило понимание жизни документов и их материальной связи с жизнью исследователей. В статье предпринята попытка отразить эти множественности, которые позволяют концептуализировать само понятие антропологического архива.

Ключевые слова: антропологический архив, частичные соединения, транснационализм, Широкогуров, этнос, психоментальный комплекс.

Благодарности: Исследование было поддержано The Economic and Social Research Council (ESRC ES/K006428/1) и The European Research Council (716211 — GRETPOL).

Для ссылки: Арзютов Д., Андерсон Д. Целые части: транснациональные траектории архивов Сергея и Елизаветы Широкогуровых // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 175–198.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-175-198

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/arzyutov_anderson.pdf

---

ANTROPOLOGISCHESKIJ FORUM, 2021, NO. 51

WHOLE PARTS: TRANSNATIONAL LIFE HISTORIES OF THE ARCHIVES OF SERGEI AND ELIZAVETA SHIROKOGOROFF

Dmitry V. Arzyutov

KTH Royal Institute of Technology
74D Teknikringen, Stockholm, Sweden
darzyutov@gmail.com

David G. Anderson

University of Aberdeen
G5 Edward Wright Building, Aberdeen, UK
david.anderson@abdn.ac.uk

Abstract: What does an anthropologist's archive look like? Where is it located? And is the anthropology of archives important for the understanding of anthropological thinking today? Here we answer these questions by analysing the various *life histories* of the archival fragments of one of the most puzzling and influential anthropologists in the history of Russian and Soviet anthropology: Sergei Mikhailovich Shirokogoroff (1887–1939). Shirokogoroff is credited as being one of the authors of the *ethnos* theory — one of the main instruments of identity politics in Russia, China, Germany and also, in part, Japan and South Africa. The transnational life histories of Shirokogoroff and his wife Elizaveta [Elizabeth] Nikolaevna (1884–1943), and of their ideas, suggests a conception of the archive not as a single whole, but instead as a collection of forgotten, hidden, obliterated, or, on the other hand, scrupulously preserved fragments. These fragments are not centred in one place or organized around any one reading, but they nevertheless represent “partial connections”. Moreover, as we can see today with hindsight, none of these archival fragments lay inert. They have been intertwined in local political and social ontologies. Our text has an autoethnographic quality. While illustrating separate episodes from the life of the Shirokogoroffs we also will tell of our search for the manuscripts through which we were forced onto strange paths and encounters. These greatly deepened our understanding both of the life of documents and their material links

to the lives of researchers. Our article is an attempt to illustrate this complex picture which, in the end, will allow us to conclude that we have only just begun to understand the workings of the anthropologist's archive in the history of anthropological thought.

Keywords: anthropological archive, partial connections, transnationalism, Shirokogoroff, *ethnos*, psychomental complex.

Acknowledgments: The research has been supported by The Economic and Social Research Council (ESRC ES/K006428/1) and The European Research Council (716211 — GRETPOL).

To cite: Arzutov D., Anderson D., 'Tselye chasti: transnatsionalnye traektorii arkhivov Sergeya i Yelizavety Shirokogorovykh' [Whole Parts: Transnational Life Histories of the Archives of Sergei and Elizaveta Shirokogoroff], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 51, pp. 175–198.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-175-198

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/arzutov_anderson.pdf

Дмитрий Арзютов, Дэвид Андерсон

Целые части: транснациональные траектории архивов Сергея и Елизаветы Широкогоровых¹

Что такое архив антрополога? Какова его география? Насколько антропология архива важна для понимания истории антропологической мысли сегодня? Мы хотим ответить на эти вопросы, проследив жизненные траектории (*life histories*) архива одного из наиболее загадочных и влиятельных антропологов в истории российской / советской этнографии Сергея Михайловича Широкогорова (1887–1939). Он стоял у истоков теории этноса, ставшей инструментом национальной политики в СССР, Китае, Германии, отчасти Японии и ЮАР. Транснациональные жизненные траектории Широкогорова и его жены Елизаветы Николаевны (1884–1943), а также их идей открывают пространство для интерпретации их архива не как единого целого, а как множества забытых, спрятанных, уничтоженных или, наоборот, бережно сохраненных фрагментов, не имеющих одной локализации и одного прочтения, но все-таки «частично соединенных» (*partial connected*). Фрагменты этого архива никогда не были инертны и оказывались связанными с локальными политическими и социальными онтологиями. Изложение носит отчасти автоэтнографический характер. Помимо отдельных эпизодов из жизни Широкогоровых, авторы рассказывают о своих поисках рукописей, в процессе которых они выходили на чужие маршруты и находки, что расширило понимание жизни документов и их материальной связи с жизнью исследователей. В статье предпринята попытка отразить эти множественности, которые позволяют концептуализировать само понятие антропологического архива.

Ключевые слова: антропологический архив, частичные соединения, транснационализм, Широкогоров, этнос, психоментальный комплекс.

Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (*сквозь слезы*) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания.

А.П. Чехов «Вишневым сад» (1903)

Две смерти в Пекине

В оккупированном японцами Пекине 19 октября 1939 г. в собственном доме скоропостижно умирает Сергей Широкогоров. Сердечный приступ. Несколько друзей пришли на его похороны на русское кладбище, которое сегодня застроено гаражами. Незадолго до смерти Широкогоров с горечью вспоминал о том, что часть его рукописей осталась в Петрограде в «комитетском

Дмитрий Владимирович Арзютов
Королевский технологический институт,
Стокгольм, Швеция
darzyutov@gmail.com

Дэвид Джордж Андерсон
Абердинский университет,
Абердин, Шотландия
david.anderson@abdn.ac.uk

¹ Статья основана на лекции, прочитанной 25 февраля 2021 г. в Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге по случаю вручения авторам премии журнала “Ab Imperio”.

шкапе»¹ — рукописи, которые были составлены сразу по возвращении из экспедиций к ороочонам и маньчжурам в 1912, 1913 и 1917 гг. Шкафы и полки как материальные пространства локализации бумаг Широкогоровых будут появляться в истории их архива (или архивов) и нашего рассказа постоянно. Отдельные листы или целые рукописи, отдельные рисунки или огромные коллекции фотографий представляются нам частями, которые постоянно накладываются одна на другую и, обладая собственной агентностью, заставляют нас перемещаться в пространстве для установления этих соединений, что, собственно, мы и делали в начале нашего пути, когда упрямо собирали эти части воедино.

Убитая горем супруга Елизавета Николаевна Широкогорова-Робинсон, оставшись одна в обветшалом доме, пытается найти средства на пропитание и издать рукописи мужа, описи которых она составила после его смерти. Вероятно, памятуя о добрых отношениях Широкогорова с лингвистами и этнографами Японии, Елизавета Николаевна пересылает туда в 1940–1941 гг. некоторые рукописи Сергея Михайловича, среди которых были “Social Organization of the Northern Tungus” и “A Tungus Dictionary”, а также список «его архива», благодаря которому мы знаем один из вариантов так называемого архива Широгорова².

Спустя четыре года после смерти мужа, 23 ноября 1943 г., в разгар Второй мировой войны, Елизавета Николаевна также скорпостижно умирает у себя дома. Говорили, что она утонула в ванной, угорев от печного газа. Николай Алексеевич Спешнев (1931–2011), известный переводчик с китайского, живший в то время вместе с родителями в Пекине, писал: «Главное же состояло в том, чтобы сохранить драгоценный архив ученого и чтобы он не оказался в руках японцев. Помню, как сестра с отцом несколько ночей составляли опись книг и работ из огромного архива С.М. Широгорова, который потом был тайно передан Патрикееву в генеральное консульство» [Спешнев 2004: 217]. Этот список и сам сейф Ивана Тимофеевича Патрикеева (1910–?) мы никогда не видели, но, вероятно, именно он послужил основанием для поисков уже в 1946 г. архива и книг Широгорова советскими китаистами, в том числе Сергеем Леонидовичем Тихвинским (1918–2018) (см. письмо Тихвинского к В.М. Алексееву от 17 февраля 1946 г.: [Хохлов 2008]).

¹ Имеется в виду шкаф Комиссии по составлению этнографических карт России при Императорском Русском географическом обществе.

² Часть переданной японцам коллекции пропала в 1945 г. из книжного стола лингвиста и переводчика Ясумото Токунага (徳永 康元) (1912–2003), который работал в ту пору в Токио в Институте национальностей (Minzoku Kenkyusho) [Shirokogoroff 1991: 38].

Перенесемся ненадолго из оккупированного Пекина в дождливый Абердин (Шотландия), 2014 г. Один из нас, Дмитрий, у себя в офисе разбирал копии архивных документов и фотографий Широкогурова, а второй, Дэвид, собирался идти на деловую встречу, как вдруг раздался телефонный звонок. Большая редкость — городским телефоном почти не пользуются. Дмитрий прикрыл дверь кабинета, чтобы разговор не мешал ему работать. Через какое-то время в дверном проеме появился изумленный Дэвид: «Пойдем поговорим!» Мы отложили дела и, взяв чай, сели в его офисе. «Слушай, мне звонил человек по имени Дон Тумасонис [Don Tumasonis]. Он живет в Норвегии, а много лет назад учился у Фредрика Барта [Fredrik Barth]. У него есть архив Широкогурова!» Повисла пауза. Каждый из нас думал о нелепости самой ситуации. «А как он вообще узнал, что мы сейчас работаем с наследием Широкогуровых? Мы же только что начали работу», — спросил Дмитрий. «Он что-то искал онлайн и наткнулся на информацию о получении нами гранта. Ну и позвонил», — с улыбкой недоумения ответил Дэвид. Какое-то время мы продолжали смотреть друг на друга и почти одновременно произнесли: «Может, стоит с ним встретиться?»

Через несколько недель Дон старомодно прислал нам по почте CD с некоторыми копиями писем, которые он рассылал по десяткам адресов знакомых и коллег Широкогуровых начиная с 1974 г. На большинство из них приходили ответы, порой люди пересылали копии писем или документов, связанных с жизнью Широкогуровых в Китае. Спустя еще некоторое время в нашем офисе сидел сам Дон: примерно 70 лет от роду, улыбчивый и очень общительный. Он привез с собой почтовую коробку с аккуратно пронумерованными и систематизированными письмами. Эти материалы, как сообщил нам Дон, занимают отдельный почетный шкаф в его норвежском доме. Это его «архив Широкогурова».

Каждая из подобных историй рассказывает о разных архивах: Сергей Широкогуров, сидя за своим письменным столом, сожалел о забытых в Питере рукописях; его вдова, описывая наследие мужа, рассказывала друзьям и коллегам о ценности домашнего архива в Пекине; советские дипломаты и синологи искали то, что осталось уже после смерти Елизаветы; наконец, Дон привез копии своего «архива Широкогурова» — документы из личных архивов друзей семьи и записи их рассказов о Сергее и Елизавете.

Так что же такое архив антрополога? Где этот архив находится? Из чего он состоит? Имеет ли он, как уверяет нас Ашиль Мбембе [Mbembe 2002], свое архитектурное и пространственное измерение? Где таится его власть / знание [Foucault 2002]? Мы предлагаем посмотреть на письма и рукописи Широкогуровых как на материальные сложносоставные объекты, которые

движутся и останавливаются, никогда не образуют целостности, но способны создавать наши представления о ней. Из этой целостности, как считают охотники за рукописями, они и происходят. Мэрилин Стратерн писала о бесконечном взаимоналожении частей [Strathern 1992; 2004]: такие частичные соединения (*partial connections*) могут работать только через связи с другими, т.к. всякая часть (в нашем случае письма или рукописи), взятая сама по себе, неизменно выступает частью чего-то другого. Стратерн строила свою теорию на анализе систем родства в Меланезии и Великобритании, пытаясь ответить на вопрос о том, что такое личность с точки зрения антропологии. Мы же столкнулись с переплетенными «родословными» полевыми фотографиями Широкогоровых, их дневников и воспоминаний коллег. Все они разворачивали перед нами жизненные траектории конкретного человека. Более того, «застрелая» на разных полках и в разных шкафах, эти объекты — письма или отправленные по почте рукописи — прорастали в новых ландшафтах, создавая собственные контексты и смыслы. Они формируют саму идею некоего уникального архива, не найденного, да и, вероятно, не могущего быть найденным. Архив расширяется вместе с вопросами и действиями исследователей, и он сам оказывается недосыгаемым целым в пространстве множества частей, которые не сводятся к одному месту или времени, а, напротив, всегда имеют возможность пересекать границы, открывая транснациональные горизонты.

В недавней статье в “Current Anthropology” [Anderson, Arzyutov 2019] мы сосредоточились на транснациональном прочтении истории теории этноса, которую описали как архипелаг, памятуя, однако, что острова отделены от материка весьма условно, а их роль в истории человеческого мышления безгранично велика. Мы показали, как уже вполне окрепшее этнос-мышление пересекало разные социальные контексты — от Шотландии до националистического Китая, Южной Африки и Санкт-Петербурга. Начальная теоретическая работа по осмыслению этого архипелага была проделана «строителями мостов», такими как Эрнест Геллнер (Ernest A. Gellner) и Петер Скальник (Peter Skalník), которые приложили огромные усилия, чтобы объяснить, контекстуализировать и перевести местные способы понимания и классификации идентичности для своих коллег в Европе. Антропологический транснационализм в нашем понимании — это семинары, обмены, переводы и ночные разговоры, которые были использованы для создания дисциплины, не определяемой границами единого национального государства. Жизни Сергея и Елизаветы Широкогоровых были для нас прекрасными, а в некотором смысле и радикальными примерами такого транснационализма, который разворачивался по мере их собственной вовле-

ченности в жизнь академических сообществ Эстонии, Франции, Японии, Германии, России и Китая. Архив их переписки (частично доставленный нам Доном) и их публикации были «открытыми письмами» — публичными дискуссиями с критикой ведущих востоковедов мира (см., например: [Shirokogoroff 1932]).

Историки науки, обсуждающие транснационализм, критикуют тенденцию представлять распространение научных понятий «сверху вниз», словно та или иная концепция начинает свое движение от письменных столов теоретиков в столичных центрах, а затем переносится или творчески перерабатывается на периферии. Широкогоровы, наоборот, работали скорее на периферии: от России Керенского до Дальневосточной республики, Китайской Народной Республики, Германии времен Гитлера и, наконец, Маньчжоу-Го. Несмотря на их биографии или, возможно, благодаря этому, жизненные траектории теории этноса обнаруживают совершенно иной тип транснационализма. Они показывают устойчивое распространение и восприятие восточноазиатских биосоциальных теорий идентичности в России и, в меньшей степени, в Восточной и Западной Европе [Duara 2004; Mullaney 2010].

И наконец, отметим, что историки науки редко обращаются к антропологическим архивам (см., историю американско-советского архивного проекта: [Kan, Arzyutov 2016]). Если в естественных науках архивы ведут столетиями (см. например: [Daston 2012], в частности об архивах наблюдений за Луной), то антропологические архивы хронологически короче, не только в силу относительной молодости дисциплины, но и по причине того, что это истории антропологов, раздробленные за счет полевой работы на местах и, как следствие, связанности с историями «других». Как мы покажем ниже, история архива Широкогоровых — это транснациональная история их идей, прежде всего этноса и отчасти психоментального комплекса (*psychomental complex*), которые постепенно прорастали от одной рукописи к другой.

Первый том таких фрагментов, дополненный аудио- и визуальными приложениями, недавно вышел из печати в московском издательстве «Индрик» [Арзютов и др. 2021], а второй готовится к публикации.

Части целого¹

Кем же были Сергей и Елизавета Широкогоровы? При рассмотрении их биографии мы будем двигаться по хронологии, особо

¹ Все ссылки на архивные документы, на основании которых реконструированы биографии Сергея и Елизаветы Широкогоровых, читатель сможет найти в наших предшествующих работах о них: [Anderson 2019; Anderson, Arzyutov 2019; Arzyutov 2019; Арзютов и др. 2021].

отмечая фрагменты, которые создают орнамент их теоретических построений. Части и целое здесь не только инвертируются, но и находятся в динамическом развитии внутри как биографического нарратива наших героев, так и теоретических дебатов и предпочтений каждого промежутка времени. Для многих российских этнографов «возвращение» имени Широкого в 1990-е гг. означало возвращение «настоящей» теории этноса¹, в то время как внимание зарубежных ученых к его биографии было вызвано скорее интересом к зарождению релятивистских идей в антропологии. Эти и многие другие интеллектуальные предпочтения создавали совсем разных Широкогоровых — от предтеч советских теорий идентичности до самобытных теоретиков шаманизма, принадлежавших к не до конца ясным генеалогическим линиям антропологической мысли.

Наша версия этой истории составлена из писем, некрологов, архивных документов и записей телефонных интервью, проведенных Доном. Нам также повезло интервьюировать потомков Широкогоровых, с которыми нас свела историко-антропологическая судьба во время работы над проектом. В географическом смысле мы предлагаем двигаться от Юрьева (Тарту) в Императорской России до подконтрольного Японии Пекина, хотя линейность и однонаправленность траектории этой пары обманчива. Более того, это не очередная стереотипная история о «белых» интеллектуалах-эмигрантах. Жизненные истории, как мы показываем, зачастую случайны и вплетены в другие. Каждая глава, будь то студенческая жизнь в Париже или Петрограде или пересечение контролируемой Россией Маньчжурии верхом на лошади, наполнена непредвиденными обстоятельствами. Свидетельства о тех или иных событиях противоречат друг другу. Даже библиографию опубликованных трудов Сергея и Елизаветы было невероятно трудно собрать. Сергей Михайлович составлял списки своих работ с подробным описанием издательств и дат, но многие из них на самом деле никогда не выходили в свет. Мы утверждаем, что эта фрагментированная история и есть те самые жизненные траектории. Даже его “Etnos”, или “Ethnology” (или в его переписке «Большой этнос»), который мы не смогли найти, был вполне материальным и осязаемым в том смысле, что Широкогоров о нем писал в своих письмах, пересказывал и даже делал на него ссылки. Книга, вероятно, могла бы появиться на свет, если бы японская армия

---

¹ Первой биографией Сергея Широкогорова, опубликованной после Второй мировой войны, стоит считать краткую заметку А.М. Решетова [Решетов 1989], которая спустя почти 15 лет была расширена и опубликована в соавторстве с Е.В. Ревуненковой [Ревуненкова, Решетов 2003]. Вплоть до недавнего времени это был наиболее полный очерк жизни и творчества антрополога.

не вторглась в Маньчжурию, или если бы советская армия не разгромила там японскую, или если бы американские военно-воздушные силы не бомбили Японию. Каждая кампания, казалось, разбрасывала листы рукописей, в то время как фрагменты идей, которые эти рукописи содержали, жили собственной жизнью в этнографических книгах и государственной политике.

Вернемся к биографии. Сергей Михайлович Широкогоров¹ родился в Суздале в 1887 г. в семье фармацевтов и врачей. Его отец много ездил по Российской империи в сопровождении семьи, поэтому с самого начала биография Сергея была полилокальной (*multi-sited*)², если говорить языком американского антрополога Джорджа Маркуса (George E. Marcus). Большую роль в этом сыграл и родной брат отца — известный врач Иван Иванович Широкогоров (1869–1946), благодаря которому Сергей оказался в 1903 г. в Юрьеве (сейчас Тарту), где поступил в гимназию Хуго Треффнера (Hugo Treffneri Gümnaasium). Вскоре дядя уехал работать в Институт Луи Пастера в Париже (Institut Pasteur), племянник последовал за ним, так и не успев из-за болезни окончить гимназию. В это же время Сергей встречает любовь всей его жизни Елизавету Николаевну Робинсон (1884–1943). Как нам рассказала ее племянница Елена Васильевна Робинсон, будущие супруги познакомились в Юрьеве, в Париж отправились уже вдвоем, где и поженились в 1908 г.

Мы отмечали в других публикациях, что парижский период (1907–1910) жизни Широкогоровых — один из наиболее загадочных и наименее документированных. С одной стороны, сохраненные в Архиве РАН (те самые многочисленные рукописи из «комитетского шкапа») конспекты книг, прочитанных Сергеем в Париже, говорят, что именно там произошло формирование его как интеллектуала, который не только познакомился с работами Маркса, Тейлора и др., но и пристально наблюдал за русской политической жизнью Парижа, прикладывая к последней теоретические идеи, подхваченные из литературы. С другой стороны, университетское образование Сергея шло куда хуже. В отличие от Елизаветы, которая окончила университетский курс, Сергей посещал лишь курсы в Faculté des Lettres Парижского университета, а также в l'École d'anthropologie de Paris и l'École pratique des hautes études. Полного курса ему окончить не удалось, но он получил свидетельство *lecteur des lettres*, которое позже выдавал за докторскую степень.

¹ Возможные варианты написания фамилии: Shirokogorov, Shirokogoroff, Chirokogoroff, Širokogorov, Shī lù guó (史祿國), Shokogorov (シロコゴロフ).

² Вариант перевода термина *multi-sited* на русский язык, предложенный Алексеем Елфимовым (Москва).

Прожив почти три года в Париже, Широкогоровы переезжают в Петербург, где только на следующий, 1911-й, год Сергею удастся поступить на физико-математический факультет Петербургского университета, который открывает ему антропологический мир российской столицы. Федор Кондратьевич Волков (Федір Вовк) (1847–1918), Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927), Василий Васильевич Радлов (Friedrich W. Radloff) (1837–1918), Сергей Иванович Руденко (1885–1969) станут его наставниками и коллегами. Еще не окончив университета, он по приглашению Штернберга поступает на работу в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) и Императорское Русское географическое общество (ИРГО). О жизни Елизаветы в эти два года мы не знаем ничего. Судя по более поздним свидетельствам, она могла зарабатывать уроками музыки. В первый же год работы Сергея в музее Лев Яковлевич Штернберг предлагает Широкогоровым ехать в экспедицию к эвенкам и орочонам Забайкалья. Эти летние экспедиции 1912 и 1913 гг. сформировали Широкогоровых как полевых этнографов. Поле стало основой для будущего *magnum opus* Сергея Михайловича “Psychomental Complex of the Tungus” [Shirokogoroff 1935]. Именно материалы этих экспедиций останутся в «комитетском шкапе». Наши кропотливые сопоставления писем, дневников и прочих документов позволяют утверждать, что Елизавета Николаевна была не меньше Сергея Михайловича вовлечена в научные исследования: она собирала фольклор и этнографические сведения от женщин, переписывала словарные карточки, перепечатывала рукописи мужа и т.п. В этнографическом наследии Сергея Михайловича ее фрагмент значителен. Много из того, что Широкогоровы смогли взять с собой в эмиграцию, было копиями их собственных материалов. Книжные полки домашнего шкафа (ил. 1) обрели свои прокси в их владивостокских и китайских шкафах.

Через полтора года после возвращения из второй забайкальской экспедиции Широкогоровы отправляются в Манчжурию. Это была их последняя экспедиция в петербургский период жизни. С точки зрения истории антропологии все три экспедиции были продолжением программы Льва Штернберга, который ездил на Амур в 1910 г. [Кап 2009: 195–199], а позже активно работал в Комиссии по составлению этнографических карт России при ИРГО [Алупов, Podrezova 2019]. Последняя сыграла огромную роль в позднеимперской этнографии и политике идентичности в России. Эта комиссия координировала и полевую работу Широкогоровых в 1915–1917 гг., а Штернберг при участии Радлова давал Сергею Михайловичу советы, что искать, куда лучше направляться и как в целом проводить полевые исследования. В Манчжурской экспедиции у Широкогоровых установились

Ил. 1. Сергей Широкогов за рабочим столом в своей квартире в Петрограде (до 1915 г.). Из личного архива Е.В. Робинсон

тесные отношения с местными исследователями и властями, что позже поможет им уехать во Владивосток. В России между тем начинается политический кризис, империя сменяется республикой. У Сергея, напротив, сочувствие «левым» идеям, заметное в ранних письмах, сменяется тоской по утраченной монархии, которую он пронес вплоть до последних выступлений в Русском доме в Пекине в 1938 г. По дороге в Петроград весной 1917 г. Сергей и Елизавета Ширококовы были арестованы, но освобождены по ходатайству Александра Керенского (1881–1970), близкого знакомого семьи.

Они вернулись в революционный Петроград, где встал выбор: уезжать или оставаться? Детали этих нескольких месяцев жизни изложены в книге Сергея Кана о Льве Штернберге [Кан 2009], наших статьях и втором томе материалов Широкоговых. Супруги решают ехать во Владивосток. В результате огромная часть их архива 1915–1917 гг. осталась фактически неопи-санной и «потерянной» для последующих исследований: рукописи, фотографии, полевые дневники, фонографические записи и пр. до сегодняшнего дня представляют собой трудно разгадываемый ребус. Даже перекрестное чтение этих документов, помет на коробках фоноваликов или стеклянных негативов не позволяет ответить на множество простых вопросов: где и от кого были записаны валики, когда и где была снята та или иная фотография, каков был точный маршрут экспедиции и т.д.

В административном и, возможно, финансовом смысле петербургский период продолжался и во Владивостоке вплоть до

1923 г.: с 1917 по 1923 г. Сергей Широкогоров работал заведующим отделом (физической) антропологии МАЭ, исполняя свои обязанности по переписке. Оставление большинства полевых материалов 1915–1917 гг. в Петрограде, вероятно, означало, что Широкогоровы предполагали возвратиться и закончить регистрацию коллекций. Штернберг неоднократно предлагал Сергею вернуться в Советскую Россию, но, вероятно, впечатление от ареста в 1917 г. и антибольшевистское окружение во Владивостоке убеждали Широкогоровых в обратном. Во Владивостоке супруги пробыли меньше пяти лет (1917–1922), но именно там Сергей кристаллизует свою теорию этноса. Это происходило в ходе академических занятий и политических дебатов с участниками несоциалистического движения. Но если фрагменты его университетских документов сохранились на полках местного архива и частично опубликованы, то политический архив нам пришлось собирать по крупицам, которые чудом дошли до нас в виде политических брошюр, после долгих странствий оказавшихся в американских библиотеках [Arzyutov 2019].

По мере того как накалялась атмосфера на Дальнем Востоке [Sablin 2019], Широкогоров все интенсивнее писал письма коллегам-антропологам, ища возможность уехать «на Запад». Франц Боас (Franz U. Boas) (1858–1942) в ответе недвусмысленно дал понять, что Сергею лучше возвращаться в Россию, а не думать об отъезде в Америку. Но тот продолжал мечтать о «большом научном центре». Дипломатические контакты с Японией и Китаем позволяли ему ездить в эти страны. Супруги переезжают в Китай, видимо, надеясь на то, что он станет транзитом на пути в Европу или Америку. Немалый объем разного рода документов их жизни в первой половине 1920-х гг. утрачен (или еще не обнаружен). Нам приходилось восстанавливать ход событий по более поздним письмам Широкогоровых, где они вспоминают о жизни во Владивостоке.

Китай, однако, не стал желанным местом для Сергея и Елизаветы. Друг семьи этнограф Иван Иванович Гапанович (1891–1982) писал Дону Тумасонису в конце 1970-х гг., что Сергей был постоянно мрачен. Это же иллюстрируют воспоминания Фэй Сяотуна (费孝通) (1910–2005), ученика Широкогорова, который в 1936 г. уехал учиться в Лондонскую школу экономики к Брониславу Малиновскому (Bronisław K. Malinowski) (1884–1942) и Раймонду Фирсу (Raymond W. Firth) (1901–2002). Из-за неуживчивого характера Сергея Михайловича за более чем пятнадцать лет жизни в Китае (1923–1939) ему пришлось сменить много мест работы: Королевское азиатское общество, Университет Амоя (сегодня — Сямэньский университет), Университет Сунь Ятсена, Академия Синика, Университет Цинхуа и др.

Тем временем «незаметная» по архивным документам Елизавета Николаевна в действительности «тянула» всю семью: давала уроки музыки и, как уверяет нас Дон на основании своей многолетней переписки с друзьями и коллегами Широкогоровых, писала музыковедческие тексты о рояльной педали¹. Кроме того, она продолжала работу по систематизации полевого материала. Вывезенные из революционного Петрограда карточки «тунгусского словаря» были приведены ею в полное соответствие, а копии рукописей превращались в тома, опубликованные под именем Сергея Михайловича.

В этих частях целого есть еще немало загадок. Одну из них нам пока не удалось разгадать до конца: это 1935–1936 гг., который Широкогоровы провели в нацистской Германии. После неудачных попыток уехать в США и Великобританию Сергей наивно решил, что Германия может стать их новым домом. Мы знаем очень немного о той поездке: сохранилось лишь несколько писем и воспоминания лингвиста Карла Менгеса (Karl H. Menges) (1908–1999), который при встрече с Широкогоровыми незадолго до своего ареста гестапо в 1936 г. и дальнейшего бегства в Чехословакию пытался их убедить, что сейчас в Германии «неподходящая государственная религия». Однако немецкий интерес Широкогорова был довольно сильным: он издает несколько статей на немецком, которые оказали влияние на немецкую послевоенную антропологию, а через нее — и на южно-африканскую [Skalník 1988].

«Многоуважаемый шкаф»

В двух первых частях мы представили обзор жизни антропологической пары, отраженной в их книгах, статьях, занимаемых должностях, полевых записях, фотографиях и рукописях. Мы поделились наивностью нашего поиска *единственного* архива, т.е. архива, понимаемого как педантично каталогизированный набор рукописей, исправленных гранок и печатных публикаций с пометами на полях. Возможно, из-за эпического масштаба путешествий этой пары по перифериям нескольких рушившихся империй или из-за неуживчивого характера Сергея у супругов было несколько потенциальных архивов. Каждая коллекция собиралась и хранилась сознательно в течение одного или двух десятков лет, пока новые политические или иные обстоятельства в очередной раз не приводили эти архивные листы в движение. Следы каждой такой коллекции живут как двойники или даже прокси в письмах, фотографиях, рисунках, фотокопиях и их

¹ О серьезности занятий музыкальной этнографией и музыковедением в целом говорит ее переписка с Иосифом Яссером (Joseph Yasser) (1893–1981) — российским и американским пианистом, органистом и музыковедом. Их переписка вошла во второй том нашей антологии.

цифровых изображениях. Но мы все-таки хотим побороть желание сожалеть о тщетности поиска потерянных рукописей. Вместо этого мы предлагаем посмотреть на жизнь нескольких полок и шкафов — скромных материальных пространств, хранивших фрагменты «архива» в течение короткого периода времени, прежде чем те рассыпались под грузом политических событий или пересобирались в руках охотников за рукописями. Любая из этих полок всегда рассматривалась только как частичная коллекция, поскольку автор или «хозяин» хорошо знали или догадывались, что другие части лежат за усиленно защищаемым фасадом или коммерческим прейскурантом.

Шкаф 1. «Комитетский шкаф» на фоне советской этнографии

Сразу после отъезда из революционного Петрограда Широкогоров начал писать зарубежным коллегам по поводу переезда и публикации своих работ. Пожелтевшие листы его писем с неизменным типографским штампом, указывающим на место работы и профессорское звание, расходились по всему миру. В этих письмах он зачастую сожалел, что рукописи, оставленные тогда в «комитетском шкапу», должно быть, вовсе сгинули в дыму революций и Гражданской войны.

Перечитывая его “Psychomental Complex of the Tungus” сегодня в сопоставлении с этими «пропавшими» рукописями, которые мы опубликовали в первом томе нашей антологии, читатель легко может заметить, до какой степени они заложили основу теоретического мышления Широкогорова. Дэвид [Anderson 2019] в главе о полевой работе Широкогорových показал траектории движения мысли Сергея от первых наблюдений за жизнью тунгусов и орохонов до концепции этноса и психоментального комплекса. Оставленные рукописи и сам шкаф стали для него олицетворением утраты этой связи с полем, и больше — утраты связи с русским языком: научных текстов на русском он уже не напишет. Трудно сказать, что именно находилось в этом шкафу, но наши архивные поиски и перекрестное чтение писем подсказывают, что это были не только рукописи, но и полевой дневник Елизаветы Николаевны и карта, висевшая на стене в одной из комнат Комиссии ИРГО, на которой коллега Широкогорových Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937) отмечал их полевой маршрут. Вероятно, стоит прибавить какие-то письма и отчеты Широкогорových, присланные из поля. Уже после эмиграции Сергея и Елизаветы большая часть «шкапа» окажется в пользовании Дмитрия Константиновича Зеленина, известного русского этнографа, вместе с архивом которого сильно перепутанные и в результате неверно пронумерованные листы ру-

копией осели в архиве Академии наук, где мы сначала вместе с Русаной Сипли, а затем с Еленой Волжаниной их разбирали.

Содержимое шкафа стало настоящим трофеем для советских этнографов и археологов, которые с подачи Владимира Богораза (1865–1936) и других «отцов» советской этнографии изучали происхождение народов Сибири. Недаром ученик Б.Э. Петри и впоследствии именитый советский академик Алексей Павлович Окладников (1908–1981), не успев очутиться в Ленинграде, тут же просил разрешение на работу с материалами Широкогорова из того самого «шкапа».

8 V/35

В архив АН СССР

Институт антропологии и этнографии и археологии АН СССР просит разрешить А.П. Окладникову работать над материалами Широкогорова, хранящимися в Вашем архиве.

Указанная работа т. Окладникова связана с разработкой археологических материалов экспедиции ИАЭ 1935 г.

Директор

Академик [И.И.] Мещанинов

Ученый секретарь [К.В.] Вяткина

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1936). Д. 38. Л. 256].

Четыре года спустя на пороге того же архива будет стоять уже Сергей Васильевич Иванов (1895–1986), студент Штернберга и Богораза, выдающийся исследователь искусства народов Сибири, который будет искать все в том же «шкапу» рукописи, связанные с шаманством.

15[25?]/XI-39

В Архив Академии наук

Институт этнографии Академии Наук СССР просит предоставить ст. научн. сотруднику И.Э. С.В. Иванову возможность ознакомиться с архивными материалами Широкогорова, в частности с рукописью его на тему «Этнография ороchon Забайкалья», представленной Академии Наук в 1914 г.

И.о. [у]чен[ого] [с]екретаря Н.И. Насекин

[СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1939). Д. 20. Л. 125].

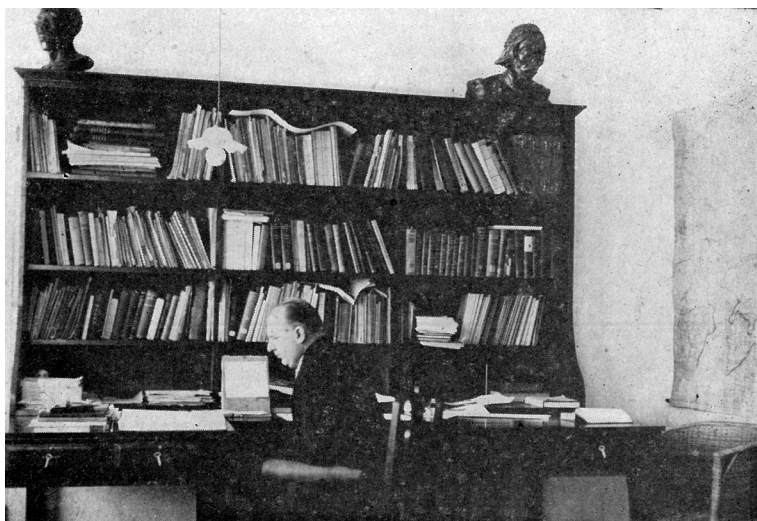
А через много лет Иванов в своем классическом труде «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.» сошлет на информацию об изображениях на бубнах из книги Широкогорова о психоментальном комплексе [Иванов 1954: 256]. Он даже процитирует письмо Штернберга к Широкогороду от 10 марта 1916 г. [Там же: 247]. По злой иронии сталинской эпохи такое обращение с книгами Широкогорова, считавшегося «белым эмигрантом», могло стоить жизни другому ленинградскому этнографу, Глафире Макарьевне

Василевич (1895–1971), в уголовном деле (1951 г.) которой была опись ее книжной полки, где стоял том Широкогорова, о чем следователь не преминул спросить во время допроса, подчеркивая белоэмигрантское прошлое исследователя. За год до ареста Василевич Окладников пишет довольно длинную статью для «Советской этнографии», где громит Широкогорова за приверженность китайским связям в эвенкийском этногенезе [Окладников 1950], публично дискредитируя его как ученого.

Более того, именно в это время несколько рукописей Широкогорова переводятся на русский язык и, вероятно, циркулируют в Институте народов Севера и МАЭ. Тем самым «комитетский шкаф» словно проживает вторую жизнь. На его теперь уже «частично соединенных» полках оказываются переводы последних книг Широкогорова и те материальные рукописи, о которых он вспоминал до конца дней. И это все на фоне потенциальной опасности чтения этих текстов.

Шкаф 2: Широкогоров на фоне шкафа

Первое японское издание книги “Social Organization of the Northern Tungus” (北方ツングースの社会構成) [Shirokogoroff 1941] открывается фотографией пожилого человека, сидящего за письменным столом на фоне гигантского шкафа с книгами и рукописями. На шкафу стоят два бюста, вероятно антропологические реконструкции физических типов. Справа видна уходящая за границы фотографии карта (ил. 2).

Ил. 2. Сергей Широкогоров в рабочем кабинете в Пекине (?)
[Shirokogoroff 1941]

Как и в истории со многими другими артефактами его архива, оригинал фотографии утерян, а напечатанную фотографию, увы, невозможно увеличить так, чтобы рассмотреть детали или прочитать корешки книг. Осанистый и, судя по всему, уставший человек за столом — Широкогоров. А шкаф — это тот самый пекинский шкаф, о котором мы здесь расскажем.

Трагическая и вызывающая много споров смерть Елизаветы совпала с крахом Маньчжоу-Го и захватом города конкурирующими силами. Библиотеку по одной версии конфисковали японские военные. По другой она через посредника оказалась у французского консула. Третью версию мы упомянули в начале статьи: при содействии семьи Спешневых советский консул перенес ее в свой сейф.

О том, насколько японские ученые и военные были заинтересованы в работах Широкогорова, говорит частота его публикаций в Японии в 1941–1944 гг. Например, том “The Social Organization of the Manchus” (滿洲族の社会組織), предположительно, был набран в типографии в 1943 г., а вышел в 1967 г. [Shirokogoroff 1967]. Старые письма, привезенные Доном, и свидетельства наших коллег говорят о том, что книги из шкафа все еще появляются в букинистических магазинах Японии. На них стоит штамп библиотеки Широкогорова и рукописный номер, поставленный им или Елизаветой Николаевной. Одна их таких книг и сейчас находится в библиотеке Национального музея этнологии в Осаке. Дон Тумасонис считает наиболее вероятным, что «архив» Широкогоровых находится в личной библиотеке одного из бывших японских военных, наследники которого скрывают коллекцию из-за стыда за происхождение источника как символического клейма за морально противоречивую войну. Примечательно в этой истории то, что почти с самого начала своего «японского плена» рукописи превратились в визуальные прокси — фотокопии. Лучшим примером этого можно считать знаменитый среди лингвистов “A Tungus Dictionary”, опубликованный в 1944 г. и вышедший вторым изданием в 1953 г. [Shirokogoroff 1944; 1953]. На сегодня сохранилось лишь несколько экземпляров издания 1944 г. Японское этнологическое общество не имело средств для набора рукописи и выпустило факсимиле. Аккуратно переписанный рукой Елизаветы дореформенным шрифтом с указанием даты и места окончания работы — 1 июня 1943 г., Пекин — этот словарь является, пожалуй, одним из самых загадочных артефактов того шкафа: материальный и видимый, но, вероятно, бесследно утраченный. Кёити Иноуэ (井上 紘) рассказывает, что рукопись была доставлена в Токио профессором Токунага Ясумото (康元 徳永) (1912–2003) весной 1943 г. вместе с тремя другими машинописными текстами и вскоре напечатана

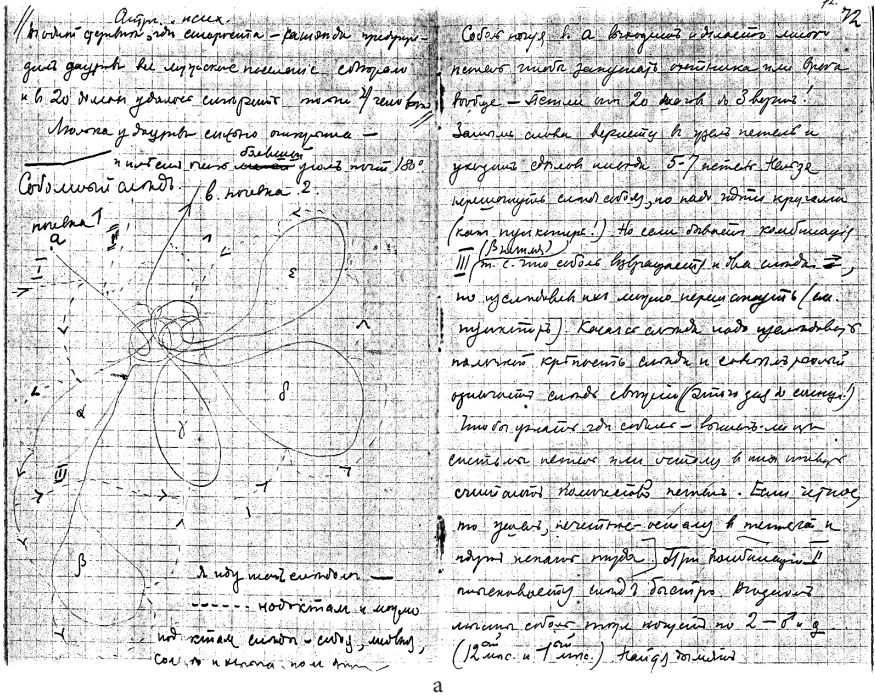
[Shirokogoroff 1991: 38]. Машинописи и, предположительно, оригинал рукописи «хранились в столе кабинета [Токунаги] <...> но когда [американская] оккупационная армия внезапно заняла здание, [Токунага] потерял контроль над рукописями» [Ibid.]. Рассказ Иноуэ, впрочем, противоречит утверждению Синобу Ивамура (岩村忍) (1905–1988), который говорит, что оригинал рукописи был подарен Елизаветой профессору Намио Эгами (江上 波夫) (1906–2002) в 1943 г., и в том же году был доставлен в Токио [Iwamura 1953]. Аккуратно переписанный список тунгусских слов и понятий, содержащийся в этих двух редких изданиях, остается классическим источником для лингвистов Восточной Азии, несмотря на то что год их записи точно не установлен¹, а оригинал был утерян или даже уничтожен. Скорее всего, опубликованные тексты сами по себе были рукописными копиями лингвистического архива Широкогоровых, который, похоже, хранился на карточках. Публикации являются прокси более чем в одном смысле. Авторство опубликованных текстов приписывается Сергею Михайловичу, но характерный почерк и документальные свидетельства позволяют предположить, что лингвистом в семье была все же Елизавета Николаевна. Рамкой, объединяющей эту историю, служат две книжные полки — одна в Пекине, а другая в Токио, которые были желанным трофеем, но, возможно, были разграблены оккупационными армиями.

Содержимое книжной полки Широкогорова появляется и исчезает в разных контекстах и в разных местах. О доступе к архиву французского консула есть несколько свидетельств. Больше всего озадачивает предполагаемый дневник, о котором Дон Тумасонис рассказал нам во время первого телефонного разговора и который затем привез. Это ксерокопия, снятая с фотоконии записной книжки в кожаном переплете, хаотично заполненной этнографическими записями, списками, датами и рисунками (ил. 3). Полевому этнографу такие книжки хорошо знакомы, они выглядят как блокноты, которые мы носим в кармане, чтобы записывать важные наблюдения, а позже, в более подходящих условиях, переписать в расширенном виде.

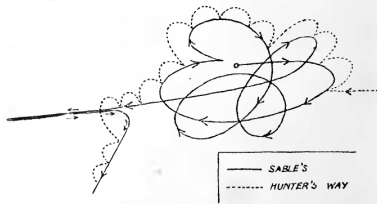
Эта записная книжка, вероятно, была одной из многих. Копия оказалась нам очень полезна, поскольку позволила наконец частично деконструировать систему и структуру каталогизации фотографий и записей и, как следствие, контекстуализировать негативы экспедиции 1915–1917 гг., хранящиеся в МАЭ и не имеющие точного описания. Тумасонис обнаружил фотоконию

---

¹ Недавно обнаруженная в Якутске рукопись ороченско-русского словаря, составленного после 1912 г., оставляет надежду на частичную верификацию и локализацию слов и терминов словаря 1944 г.

The Tungus consider the SABLE (*Mustela zibellina*) to be a very clever animal which is not easily taken. The method of misleading the hunter practised by this animal is quoted (by the Birárcen) as one which I will now give in detail. When the sable wants to leave the night shelter it does not leave it at once but by making several loops (from thirty metres to two kilometres) and returning to his starting point, after which he runs straight to the new place. If the hunter does not know this behaviour of the sable and follows the foot prints of the animal he will spend many days and perhaps will not be able to find the actual direction of the animal. Yet sometimes the hunter loses his mind. Therefore the Tungus use a simple rule: never cross the sable's single track while the fresh double track can be crossed which is shown in the figure. In con-

nexion with this it may be noted that the Tungus know very well, and professionally they must know, the character and meaning of the tracks of different animals. For instance, the bear usually makes two parallel tracks in opposite directions, so that it is difficult to know the actual direction in which the bear has gone. The steps must be counted,

Ил. За, б. Лист из копии полевого дневника Сергея Широкогорова (1915 г.), отсканированный нами в 2014 г. с ксерокопии, сделанной Доном Тумасонисом в 1980-е гг. с фотокопии, хранившейся на книжной полке в доме Алексиса Рыгалофф, в соотношении с рисунком, опубликованном в "Psychomental Complex of the Tungus" [Shirokogoroff 1935: 84]

книжки на книжной полке известного французского синолога Алексиса Рыгалофф (Alexis Rygaloff) (1922–?). Возможно, тот купил ее в магазине востоковедной литературы “Oriens” в Париже. Рыгалофф позволил Тумасонису сделать ксерокопию, может быть, с намерением подтвердить ее содержание, чтобы затем продать. Рыгалофф скончался в 2007 г., и фотокопия книжки вновь исчезла. Таким образом, единственная сохранившаяся копия, теперь оцифрованная, представляет собой копию с копии подлинника, находившегося на полке за столом Широкогорова и изображенного на этом не сохранившемся в оригинале фотоснимке из японского издания “Social Organization of the Northern Tungus”.

Вместо заключения

История, которую мы рассказали, — это история нескольких продолжающихся путешествий, или, по словам нашего измученного героя, «бесконечной командировки». Наше личное путешествие началось со скромной попытки атрибутировать коллекцию стеклянных негативов, сохранившихся в негатеке МАЭ. Благодаря случайности и помощи друзей, таких как Дон Тумасонис, поиски привели нас к архивам и уютным гостиным, кафе и конференц-залам, охватывающим все континенты. Мы обнаружили фонографические записи и рукописные документы, которые позволяют «оживить» многие забайкальские и маньчжурским фотографии, но так и не нашли *того самого архива*, о котором без усталости писали коллеги и друзья Широкогуровых, а потом и те, кто искал содержимое его «шкафов». Фотографии вместе с этими обретшими голос нарративами начали новую жизнь в виде цифровых копий, циркулирующих сегодня в охотничьих сообществах эвенков и ороочонов в Китае, и, похоже, спровоцировали новую «золотую лихорадку» среди ученых, ищущих все новые и новые артефакты Широкогуровых в Пекине, Берлине, Якутске и Санкт-Петербурге.

Как бы мы ни были удовлетворены, что снова появился живой интерес к детальной и противоречивой работе этой антропологической пары, мы по-прежнему помним предупреждение Мэрилин Стратерн о частичных связях. Каждое письмо и документ, будь то копия или оригинал, рискуют быть истолкованными как недостающий элемент в головоломке, полная картина которой может быть портретом еще одного «белого эмигранта», влюбленной пары, протофашиста или глубокого мыслителя-тунгусоведа. Подобно тому как сам Широкогуров отправился в маньчжурскую тайгу в поисках свидетельств о происхождении тунгусов, но вместо этого с разочарованием и даже некоторым раздражением вынужден был описывать «метисов», говорящих на смеси

языков, наше путешествие так и не привело к *одному-единственному (или единому) антропологическому архиву*. Тем не менее эти копии и отчеты рассказали транснациональную историю построения идентичности, историю, которая сегодня вновь рискует превратиться во властную и националистическую. Однако, не желая оставлять у аудитории постмодернистского чувства, что все находится в бесконечно текущем состоянии и смысл лишь мимолетно может быть распознан в головах небольшого числа людей, мы хотим указать на моменты стабильности. Перед нами письма, говорящие об утраченных монографиях, и монографии, отражающие страстные споры ученых. Мы описали несколько полок, на которых в течение нескольких лет хранились вещественные доказательства интеллектуальной работы, прежде чем вторгшиеся армии не смели их. И теперь мы приступили к публикации фрагментов этих полок, которые, с одной стороны, позволили людям во всем мире впервые просматривать хрупкие негативы на стеклянных пластинах¹, слышать шипящий звук широкогоровского фонографа² или читать страницы рукописей, собранных из разбросанных и перепутанных листов [Арзютов и др. 2021], в результате чего, мы надеемся, возникнут новые связи и новые отношения, и новые проблески миров, которые некогда существовали и могут обрести голос вновь. В современной глобальной ситуации вакцинного национализма, закрытых и охраняемых границ мы надеемся, что эта история безмерного любопытства, опосредованного письмами, книгами и шкапами, приведет к возобновленной ностальгии и уважению к транснациональным диалогам.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Александру Семенову (Санкт-Петербург) и членам редколлегии журнала “Ab Imperio”, а также Дональду Тумасонису (Осло), Сергею Алымову (Москва), Николаю Вахтину (Санкт-Петербург), Светлане Подрезовой (Санкт-Петербург), Русане Сипли (Беркли), Владимиру Давыдову (Санкт-Петербург), Роберте Амайон (Париж), Елене Волжаниной (Абердин, Тюмень) и многим другим нашим коллегам и друзьям, которые оказывали нам помощь во время работы над проектом. На разных этапах работы наше исследование было поддержано The Economic and Social Research Council (ESRC ES/K006428/1) и The European Research Council (716211 — GRETPOL).

¹ Цифровые копии фотоотпечатков и негативов С.М. и Е.Н. Широкогоровых, отсканированных и атрибутированных благодаря проекту ESRC (ES/K006428/1), выставлены на сайте МАЭ РАН: <<http://collection.kunstkamera.ru/cross-search?query=широкогоров>>.

² Фонозаписи С.М. и Е.Н. Широкогоровых, датированные 1912 и 1913 гг., выставлены на YouTube-канале Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и доступны в качестве аудиоприложения (общая продолжительность звучания 179 минут) к первому тому материалов Широкогоровых [Арзютов и др. 2021]: <<https://www.youtube.com/watch?v=7tWX9VcP6wM>> и <<https://www.youtube.com/watch?v=kVSNho02LoU>>. Фонозаписи 1915–1917 гг. будут выставлены на том же YouTube-канале, а ссылки на них будут даны во втором томе архивной антологии.

Список сокращений

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Архивные материалы

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1939). Д. 20. Переписка с научными учреждениями и отдельными учеными. 2 сентября — 31 декабря 1939 г. 214 л.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1936). Д. 38. Переписка по научно-организационным вопросам. 1936 г. [некоторые документы датированы 1935 г.]. 275 л.

Источники

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 839 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 22).

Окладников А.П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) // Советская этнография. 1950. № 2. С. 36–52.

Спешнев Н.А. Пекин — страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. СПб.: Бельведер, 2004. 315 с.

Хохлов А.Н. В начале творческого пути. К 90-летию со дня рождения академика С.Л. Тихвинского // Восточный архив. 2008. № 18. С. 85–93.

Iwamura S. Preface to the Second Edition // *Shirokogoroff S.M.* A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus, Photogravured from the Manuscripts. Tokyo: Minzokugaku Kyōkai, 1953. P. III.

Shirokogoroff S.M. Letter to Professor Dr D.H. Kulp, 30 July 1932. Peiping: S.n., 1932. 44 p.

Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1935. XVI+469 p.

[*Shirokogoroff 1941*] シロコゴロフ. 北方ツングースの社会構成 [Social Organization of the Northern Tungus]. Tokyo: Iwanami Shoten, 1941. 717 p. (In Japanese).

Shirokogoroff S.M. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian Tungus, Photogravured from the Manuscripts. Tokyo: Minzokugaku Kyōkai, 1944. 258 p.

Shirokogoroff S.M. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus, Photogravured from the Manuscripts. Tokyo: Minzokugaku Kyōkai, 1953. 258 p.

[*Shirokogoroff 1967*] シロコゴロフ. 満洲族の社会組織 [The Social Organization of the Manchus]. Tokyo: Tōkō shoin, 1967. 283 p. (In Japanese).

Shirokogoroff S.M. (with introductory notes by Kōichi Inoue). Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 35–66. doi: 10.2307/1178185.

Библиография

- Арзютов Д.В., Андерсон Д.Дж., Подрезова С.В. (ред.). Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям: этно-история Сергея и Елизаветы Широкогоровых: В 2 т. М.: Индик, 2021. Т. 1. 544 с.
- Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.
- Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров. Его жизнь и труды (к 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987 гг.: Тезисы докл. науч. сессии. Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1989. С. 25–27.
- Alymov S.S., Podrezova S.V. Mapping *Etnos*: The Geographic Imagination of Fëdor Volkov and His Students // Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. (eds.). *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge: Open Book Pub., 2019. P. 145–202. doi: 10.11647/OBP.0150.04.
- Anderson D.G. Notes from His “Snail’s Shell”: Shirokogoroff’s Fieldwork and the Groundwork for *Etnos* Thinking // Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. (eds.). *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge: Open Book Pub., 2019. P. 203–247. doi: 10.11647/OBP.0150.05.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V. The *Etnos* Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No. 6. P. 741–773. doi: 10.1086/704685.
- Arzyutov D.V. Order Out of Chaos: Anthropology and Politics of Sergei M. Shirokogoroff // Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. (eds.). *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge: Open Book Pub., 2019. P. 249–291. doi: 10.11647/OBP.0150.06.
- Daston L. The Sciences of the Archive // *Osiris*. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 156–187. doi: 10.1086/667826.
- Duara P. *Sovereignty and Authenticity: Manchukuo and the East Asian Modern*. Oxford: Rowman & Littlefield Pub., 2004. 320 p.
- Foucault M. *Archaeology of Knowledge*. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2002. 256 p.
- Kan S.A. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln, NE; L.: University of Nebraska Press, 2009. XX+551 p. (Critical Studies in the History of Anthropology).
- Kan S.A., Arzyutov D.V. The Saga of the L.H. Morgan Archive, or How an American Marxist Helped Make a Bourgeois Anthropologist the Cornerstone of Soviet Ethnography // Darnell R., Gleach F.W. (eds.). *Local Knowledge, Global Stage*. Lincoln, NE: Nebraska University Press, 2016. P. 149–220. (Histories of Anthropology Annual. Vol. 10). doi: 10.2307/j.ctt1dxg7dv.10.
- Mbembe A. The Power of the Archive and Its Limits // Hamilton C., Harris V., Taylor J., Pickover M., Reid G., Saleh R. (eds.). *Refiguring the Archive*. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Pub., 2002. P. 19–26. doi: 10.1007/978-94-010-0570-8_2.

- Mullaney T.* Coming to Terms with the Nation: Ethnic Classification in Modern China. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2010. XXIV+232 p.
- Sablin I.* The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922: Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire. L.; N.Y.: Routledge, 2019. 312 p.
- Skalnik P.* Union soviétique — Afrique du Sud: les “théories” de l'*ethnos* // Cahiers d'Études Africaines. 1988. Vol. 28. No. 110. P. 157–176.
- Strathern M.* After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. XVIII+240 p.
- Strathern M.* Partial Connections. Updated ed. Walnut Creek; Lanham; N.Y.; Toronto; Oxford: AltaMira Press, 2004. XXXIV+153 p.

Whole Parts: Transnational Life Histories of the Archives of Sergei and Elizaveta Shirokogoroff

Dmitry V. Arzyutov

KTH Royal Institute of Technology
74D Teknikringen, Stockholm, Sweden
darzyutov@gmail.com

David G. Anderson

University of Aberdeen
G5 Edward Wright Building, Aberdeen, UK
david.anderson@abdn.ac.uk

What does an anthropologist's archive look like? Where is it located? And is the anthropology of archives important for the understanding of anthropological thinking today? Here we answer these questions by analysing the various *life histories* of the archival fragments of one of the most puzzling and influential anthropologists in the history of Russian and Soviet anthropology: Sergei Mikhailovich Shirokogoroff (1887–1939). Shirokogoroff is credited as being one of the authors of the *ethnos* theory — one of the main instruments of identity politics in Russia, China, Germany and also, in part, Japan and South Africa. The transnational life histories of Shirokogoroff and his wife Elizaveta [Elizabeth] Nikolaevna (1884–1943), and of their ideas, suggests a conception of the archive not as a single whole, but instead as a collection of forgotten, hidden, obliterated, or, on the other hand, scrupulously preserved fragments. These fragments are not centred in one place or organized around any one reading,

but they nevertheless represent “partial connections”. Moreover, as we can see today with hindsight, none of these archival fragments lay inert. They have been intertwined in local political and social ontologies. Our text has an autoethnographic quality. While illustrating separate episodes from the life of the Shirokogoroffs we also will tell of our search for the manuscripts through which we were forced onto strange paths and encounters. These greatly deepened our understanding both of the life of documents and their material links to the lives of researchers. Our article is an attempt to illustrate this complex picture which, in the end, will allow us to conclude that we have only just begun to understand the workings of the anthropologist’s archive in the history of anthropological thought.

Keywords: anthropological archive, partial connections, transnationalism, Shirokogoroff, *ethnos*, psychomental complex.

Acknowledgments

We are grateful to Alexander Semenov (St Petersburg) and other editors of the *Ab Imperio* journal and also to Donald Tumasonis (Oslo), Sergei Alymov (Moscow), Nikolai Vakhtin (St Petersburg), Svetlana Podrezova (St Petersburg), Rusana Cieply (Berkeley), Vladimir Davydov (St Petersburg), Roberte Hamayon (Paris), Elena Volzhanina (Aberdeen and Tyumen) and many of our colleagues and friends who have helped us while working on this project. At different stages of research, our work has been supported by The Economic and Social Research Council (ESRC ES/K006428/1) and The European Research Council (716211 — GRETPOL).

References

- Alymov S. S., Podrezova S. V., ‘Mapping Etnos: The Geographic Imagination of Fëdor Volkov and His Students’, Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S. (eds.), *Life Histories of ‘Etnos’ Theory in Russia and Beyond*. Cambridge: Open Book Pub., 2019, pp. 145–202. doi: 10.11647/OBP.0150.04.
- Anderson D. G., ‘Notes from His “Snail’s Shell”: Shirokogoroff’s Fieldwork and the Groundwork for Etnos Thinking’, Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S. (eds.), *Life Histories of ‘Etnos’ Theory in Russia and Beyond*. Cambridge: Open Book Pub., 2019, pp. 203–247. doi: 10.11647/OBP.0150.05.
- Anderson D. G., Arzyutov D. V., ‘The Etnos Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept’, *Current Anthropology*, 2019, vol. 60, no. 6, pp. 741–773. doi: 10.1086/704685.
- Arzyutov D. V., ‘Order Out of Chaos: Anthropology and Politics of Sergei M. Shirokogoroff’, Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S.S. (eds.), *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge: Open Book Pub., 2019, pp. 249–291. doi: 10.11647/OBP.0150.06.

- Daston L., 'The Sciences of the Archive', *Osiris*, 2012, vol. 27, no. 1, pp. 156–187. doi: 10.1086/667826.
- Duara P., *Sovereignty and Authenticity: Manchukuo and the East Asian Modern*. Oxford: Rowman & Littlefield Pub., 2004, 320 pp.
- Foucault M., *Archaeology of Knowledge*, 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002, 256 pp.
- Kan S. A., *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln, NE; London: University of Nebraska Press, 2009, XX+551 pp. (*Critical Studies in the History of Anthropology*).
- Kan S. A., Arzyutov D. V., 'The Saga of the L.H. Morgan Archive, or How an American Marxist Helped Make a Bourgeois Anthropologist the Cornerstone of Soviet Ethnography', Darnell R., Gleach F. W. (eds.), *Local Knowledge, Global Stage*. Lincoln, NE: Nebraska University Press, 2016, pp. 149–220. (*Histories of Anthropology Annual*, vol. 10). doi: 10.2307/j.ctt1dxg7dv.10.
- Mbembe A., 'The Power of the Archive and Its Limits', Hamilton C., Harris V., Taylor J., Pickover M., Reid G., Saleh R. (eds.), *Refiguring the Archive*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Pub., 2002, pp. 19–26. doi: 10.1007/978-94-010-0570-8_2.
- Mullaney T., *Coming to Terms with the Nation: Ethnic Classification in Modern China*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2010, XXIV+232 pp.
- Reshetov A. M., 'Sergey Mikhaylovich Shirokogorov. Yego zhizn i trudy (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)' [Sergey Mikhailovich Shirokogorov. His Life and Works (To the 100th Anniversary of His Birth)], *Polevye issledovaniya GME narodov SSSR 1985–1987 gg.* [Field Studies of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR in 1985–1987]: Abstracts of the scientific session. Leningrad: State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR Press, 1989, pp. 25–27. (In Russian).
- Revunenkov E. V., Reshetov A. M., 'Sergey Mikhaylovich Shirokogorov', *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 3, pp. 100–119. (In Russian).
- Sablin I., *The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905–1922: Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire*. London; New York: Routledge, 2019, 312 pp.
- Skalník P., 'Union soviétique — Afrique du Sud: les "théories" de l'ethnos', *Cahiers d'Études Africaines*, 1988, vol. 28, no. 110, pp. 157–176.
- Strathern M., *After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, XVIII+240 pp.
- Strathern M., *Partial Connections*, updated ed. Walnut Creek; Lanham; New York; Toronto; Oxford: AltaMira Press, 2004, XXXIV+153 pp.